

С. А. Иванов

«В ТЕНИ ЮСТИНИАНОВЫХ КРЕПОСТЕЙ»? Ф. КУРТА И ПАРАДОКСЫ РАННЕСЛАВЯНСКОЙ ЭТНИЧНОСТИ

В последние десятилетия «инструменталистский» подход прочно утвердился в исторической этнологии¹ и теперь, пожалуй, уже не нуждается в обоснованиях. Однако в начале 1990-х гг., когда я отстаивал его применительно к славянской этничности на страницах журнала «Советское славяноведение» (который в ходе дискуссии превратился в просто «Славяноведение»)², подобная позиция встретила отпор со стороны ряда коллег. «Примордиалистский» подход популярен в отечественной этнологии и сегодня³, а применительно к древней истории славян наиболее страстным его сторонником всю жизнь оставался О. Н. Трубачев⁴.

Тогда, в начале 1990-х, мои размышления были спровоцированы тем простым обстоятельством, что, отвечая за расположение материалов в готовившемся в то время к печати «Своде древнейших письменных известий о славянах»⁵, я столкнулся с невозможностью объяснить, почему в это собрание необходимо включить отрывки из Тацита, Плиния или Птолемея, Певтингеровой карты или Приска, которые не упоминают славян ни единым словом. Моя позиция сводилась к тому, что этничность, в отличие

¹ См.: Geary P. The Myth of Nations: The Medieval Origins of Europe. Princeton, 2003. — Свои идеи Патрик Гири выразил еще в 1983 г. в статье: Geary P. Ethnic Identity as a Situational Construct in the Early Middle Ages // Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien. 1983. Bd 113. P. 15–26.

² Иванов С. А. 1) Откуда начинать этническую историю славян? // СС. 1991. № 5. С. 3–13; 2) Славянская этничность как методологическая проблема // Славяноведение. 1993. № 2. С. 23–26.

³ См., например: Рыбаков С. Е. Этнос и этничность // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 3–24; Казанков А. А. Об эволюции форм этнического самосознания // www.etnograf.ru/k_pub/kazankov_etnos.php (Последнее посещение — 04 октября 2008 г.).

⁴ Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 2003. С. 13, 304–305, 353, 381.

⁵ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I / Сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. М., 1994 (далее — Свод. Т. I).

от языка, — не феномен, а поумен. Человек может не знать, что он говорит, допустим, на праславянском языке, — достаточно, чтобы это «за него» знал лингвист. А вот с этнической идентичностью не так: если человек не знает про себя, что он славянин, то он и не славянин. Никакого *na самом деле* тут быть не может. Другое дело, что это знание у бесписьменного народа может не сразу стать известным народам письменным и тем самым оказывается зафиксированным несколько позже, чем возникает, а насколько позже — мы не знаем. Все это я писал тогда и готов подписаться под этим теперь⁶.

В 2001 г. увидела свет монография Флорина Курты *The Making of the Slavs*⁷. Автор проделал гигантскую работу по сведению воедино археологических данных, опубликованных в разных славянских и балканских странах на множестве не родственных друг другу языков, сравнил их между собой и сделал доступными англоязычному читателю, за что мы должны быть ему весьма благодарны. Он привнес в несколько застойную область славистики новейшие этнологические теории, и это также заслуживает самой высокой похвалы. Не будучи археологом, я не берусь судить о сделанных им обобщениях касательно материальной культуры и даже ее цивилизационных интерпретаций. Остановлюсь лишь на историко-этнологической стороне монографии.

Здесь позиция автора несколько провокационным образом заявлена в самом заглавии: он мог бы употребить традиционные в подобных словосочетаниях понятия *Emergence* или *Appearance* («возникновение, появление») — но он озаглавил книгу «Создание славян», уже этим подчеркивая свою сугубо «инструменталистскую» позицию. Ф. Курта отталкивается от моих рассуждений⁸, но идет гораздо дальше. Разделавшись с «примордиализмом» еще во Введении⁹, он в последней главе монографии (««Князья» и «демократия»: Власть в раннеславянском обществе»)¹⁰ на анализе текстов убедительно демонстрирует, что до 560-х гг. у славян не было стабильной политической элиты, что лишь в 570-х гг. нам начинают попадаться в источниках имена конкретных славянских царьков¹¹ и т. д.

Все это — правильные и интересные наблюдения. Не мне судить, согласуются ли они с археологическим материалом¹², но по всему выходит, что славянское общество VI в. стояло на довольно низкой ступени развития. Интересны и наблюдения Ф. Курты насчет времени славянской колонизации Балкан: он показывает, что 602 г. не был моментом окончательной гибели Дунайского лимеса. Империя защищала его вплоть

⁶ Кстати, применительно к «Своду» эта проблема была разрешена компромиссным образом: аптичные авторы, не употребляющие термина «славяне», объединены в раздел «К предыстории славянства» (Свод. Т. I. С. 17).

⁷ *Curta F. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region. c. 500–700. Cambridge: New York, 2001.*

⁸ *Ibid.* P. 12. В этом месте Ф. Курта дает ссылку на мои работы, тогда как во множестве мест, где он использует мой материал из комментариев к «Своду», ссылки отсутствуют: *Ibid.* P. 78. Footnote 16 — ср.: Свод. Т. I. С. 210; *Curta F. Op. cit.* P. 79 — ср.: Свод. Т. II. С. 63; *Curta F. Op. cit.* P. 80. Footnote 25 — ср.: Свод. Т. I. С. 231; *Curta F. Op. cit.* P. 81. Footnote 26 — ср.: Свод. Т. I. С. 230; *Curta F. Op. cit.* P. 82. Footnote 30 — ср.: Свод. Т. I. С. 234; *Curta F. Op. cit.* P. 83. Footnote 31 — ср.: Свод. Т. I. С. 214; *Curta F. Op. cit.* P. 84. Footnote 40 — ср.: Свод. Т. I. С. 240.

⁹ *Curta F. Op. cit.* P. 14–35.

¹⁰ *Ibid.* P. 311–334.

¹¹ *Ibid.* P. 115.

¹² К примеру, Ф. Курта никак не комментирует цитируемое им же (*Ibid.* P. 317. Footnote 11) заявление Менапра, что «земля славян полна золотом, поскольку они уже давно грабят имперно ромеев». Кому же доставалось награбленное?

до 620 года¹³. То, что Герхард Шрамм назвал в своей монографии 1997 г. «плотина прорвана» (*Ein Damm bricht*)¹⁴, для Курты выглядит даже не инфильтрацией. По его словам, «вплоть до осады Фессалоники в ранние годы правления Ираклия никакой миграции не было», а массовое проникновение славян на Юг относится лишь к 700-м годам¹⁵. Подобная картина противоречит многим источникам (ведь даже Прокорий признает, что славяне в середине VI в. сделали невозможным безопасное передвижение в Добрудже)¹⁶.

Если славяне, по мысли Ф. Курты, «были изолированными анклавами в различных районах Балкан, к тому же испытывавшими серьезный демографический упадок в VII в.», то откуда взялись раннеславянские лексические заимствования в греческий язык, откуда в Греции раннеславянская топонимия, и кто же раз за разом осаждал Фессалонику? Для подкрепления теории Ф. Курте приходится, например, отрицать достоверность сведений «Чудес св. Димитрия»¹⁷. Непонятно и то, как быть с утверждениями армянского географа Анании Ширакаци, писавшего (до 636 г.): «Земля Фракии содержит 7 малых областей и одну крупную, в которой обитают 25 племен склавонов». Перечень подобных вопросов можно расширить, но не это побудило меня взяться за перо.

Проанализируем главное заключение, которое делает Ф. Курта из всех своих наблюдений. Он формулирует свою позицию еще до изложения основного материала: «Имя “склавины” было чисто византийским конструктом, призванным осмыслить сложную этническую конфигурацию по ту сторону лимеса». Через несколько строк автор выражает мысль несколько иначе: «Возможно, изначально “склавины” были самоназванием конкретной этнической группы. Однако в более четком смысле “склавины” есть византийское изобретение»¹⁸.

Поначалу читатель может думать, что механизм превращения одного в другое будет в подробностях описан на последующих страницах. Действительно, под конец книги, после разбора всего археологического материала, автор возвращается к этой мысли. Однако он не приводит в ее пользу никаких доказательств и объяснений, а просто декларирует ее. Сначала позволив себе осторожную оговорку, что «видимо, останется неизвестно, называли ли себя склавинами или антами какие-нибудь из групп, живших в поселениях того времени, раскопанных румынскими археологами»¹⁹, он очень скоро отбрасывает всякую сослагательность: «..никакие “славяне” не называли себя этим именем... Создание славян было результатом не столько этногенеза, сколько изобретения, выдумывания и навешивания ярлыков со стороны византийских авторов»²⁰. По словам Ф. Курты, «это была идентичность, сформированная в тени Юстиниановых крепостей, а не в Припятских болотах»²¹. К сожалению, даже в конце монографии автор так и не разъясняет того, зачем и каким образом происходило это «making».

¹³ *Curta F.* Op. cit. P. 106, 189.

¹⁴ *Schramm G.* Ein Damm Bricht: Die romische Donaugrenze und die Invasionen des 5.–7. Jahrhunderts im Lichte von Namen und Wortern. Munchen, 1997.

¹⁵ *Curta F.* Op. cit. P. 308.

¹⁶ Свод. Т. I. С. 206–207.

¹⁷ *Curta F.* Op. cit. P. 54. — Заметим, что Ф. Курта ошибочно называет Кедрина хронистом XI в., тогда как тот жил в XII столетии (*Ibid.* P. 66).

¹⁸ *Ibid.* P. 118, 119.

¹⁹ *Ibid.* P. 337.

²⁰ *Ibid.* P. 349.

²¹ *Ibid.* P. 350.

Давая отсылку к моим статьям 1991 и 1993 года, Курта пишет, что он идет дальше меня: «В согласии с теми, кто считает, что славянская история начинается в шестом столетии, я утверждаю, что славяне суть изобретение шестого столетия»²². И коль скоро отсылка сделана на меня, кому как не мне пристало заявить, что этот сенсационный вывод, являющийся своего рода *reductio ad absurdum* инструменталистского подхода, решительно противоречит логике.

Во-первых, греко-римские авторы вообще никогда не выдумывали этнонимы: они охотно навешивали уже имеющиеся ярлыки на вновь появившиеся на их горизонте племена (так и произошло с именем «венеды»), но этноним «славяне» не зафиксирован ни в каких ранних источниках. Во-вторых, если бы уж Прокопий взялся за выдумывание несуществующего имени, такое как «славяне» пришло бы ему в голову в самую последнюю очередь: византийскому греку было невозможно произнести плавный консонант «Л» после сибиланта «С» (недаром же все античные авторы вставляли «К» или «th» в имена вроде Вислы). Само имя «склавины», которым Прокопий пользуется, звучит столь экзотично, что никто не сочтет его порождением греческой языковой фантазии. Кстати говоря, первым признаком «интерниоризации», освоения этого этнонима, безусловно воспринимавшегося греками как чуждый и режущий слух, стало его лингвистическое «переразложение». Возникает сокращенная форма «склавы», свидетельствующая о том, что из первоначального слова была вычтена та часть, которую греческое языковое сознание осмыслило как суффикс, по аналогии с «бактрами», получившимися из «бактрианов»²³. Но характерно, что сокращенная форма «склавы» возникает не у тех авторов, которые первыми сообщили о новом народе, — Прокопия или Иордана, а у тех, кто писал чуть позже, — Агафия и Малады.

В-третьих, славяне для Прокопия были не абстрактным именем далекого народа — он долго и обстоятельно беседовал со славянскими наемниками в Италии, причем мы точно знаем, где именно и когда: в апреле 537 г., в окрестностях Рима. Знаменитый «славянский экскурс» в «Истории войн» есть результат личных интервью, а не книжных построений²⁴. Именно тогда варвары сообщили Прокопию как свои самоназвания, «словене» и «анты», так и то имя, которое они сами считали для обоих племен изначальным, — «споры». К соотношению этнонимов мы вернемся ниже, а сейчас следует подчеркнуть, что в Италии Прокопий служил не придворным геополитиком, а секретарем военачальника Велисария; еще в меньшей степени проблемами этнонимии были обременены «комиты федератов» Мартин и Валериан²⁵, в отряде которых эти варвары прибыли в расположение армии Велисария. Они были грубые солдаты, а не книжники. Ф. Курта пишет: «Прокопий мог использовать этот этноним в качестве “зонтичного” для различных групп... которые не были ни “антами”, ни “туннами”, ни “аварами”»²⁶. Но зачем же ему это было нужно, да еще в столь прозаических, походных условиях? Над этим Ф. Курта явно не задумывался. Мало того, он в только что цитированной фразе отрывает «склавинов» от «антов», при том что сами эти варвары настаивали на своем единстве.

²² Ibid. P. 335.

²³ Свод. Т. I. С. 310.

²⁴ Ф. Курта признает этот факт, но считает более важными «архивные материалы» и устные источники (Curtia F. Op. cit. P. 38). Применительно к экскурсу это ниоткуда не следует, хотя «константинопольская перспектива», о которой он говорит, вполне допустима применительно к другим сообщениям Прокопия.

²⁵ См.: Свод. Т. I. С. 174–175, 208.

²⁶ Curtia F. Op. cit. P. 347.

И тут мы вынуждены упрекнуть Ф. Курту уже не в излишне прямолинейном понимании инструментализма, а в сознательном манипулировании фактами: для его построений очень важно доказать, что славяне появляются на исторической сцене лишь в середине VI в., что их набеги случаются только с 545 г., в ответ на агрессивные действия Юстиниана²⁷. Но это же неправда: Хилбуд был назначен командующим на Дунайскую границу в 530 г., потому что к ЭТОМУ МОМЕНТУ, по словам Прокопия, «уже часто ... гунны, и анты, и склавины творили ромеям ужасное зло»²⁸. В «Тайной истории» Прокопий повторяет: «Гунны, и склавины, и анты (разорjali Империю) почти каждый год с тех пор, как Юстиниан принял власть над ромеями»²⁹. Удивительно, что, обрисовав грандиозный характер фортификационных и административных усилий Юстиниана по укреплению Дунайского лимеса, Ф. Курта тут же заявляет: «Эти меры не были предприняты в ответ на какую-либо крупную угрозу»³⁰. А зачем же тогда? Неужто просто так были предприняты столь титанические усилия на Севере, в то самое время, когда империи угрожали смертельные враги как на Востоке, так и на Западе?

Около середины VI в. склавины начинают играть главную роль в нападениях через Дунай — однако, во-первых, они нападали и раньше, только уступая в активности антам³¹, а во-вторых, главное, анты — это тоже славяне, так они сами говорили Прокопию. Абсолютно неважно, имелись ли в действительности у обоих племен «общие предки» (да и что это такое?). Значение имеет лишь то, что оба племени считали таковыми «споров» (т. е. имели общий миф о своем происхождении) и, как убедился лично Прокопий, говорили на одном языке, «ужасно варварском».

И тут мы должны возразить против еще одной гипотезы Ф. Курты: на том основании, что варвары эпохи Великого переселения владели многими языками, он делает вывод, будто язык не играл вообще никакой консолидирующей роли³². Представляется, что, хотя переключение на другой язык в догосударственную эпоху действительно осуществлялось легко, это не значит, будто людям было вовсе безразлично, кто на каком языке говорит. То, что анты, не являвшиеся изначально славофонами, целиком перешли на славянский язык, было важно самим антам и склавином: вряд ли Прокопий смог бы сам, без подсказки с их стороны, разобраться, на одном или двух «ужасно варварских» языках они разговаривают!

О полном взаимопроникновении склавинов и антов свидетельствует такой неожиданный пример: когда летом 550 г. византийское войско двинулось навстречу склавино-антскому отряду, намеревавшемуся захватить Фессалонику, варваров обратило в бегство одно известие о том, кто стоит во главе ромеев. А был это полководец Герман, и его имя было хорошо известно склавином потому, что за много десятилетий до этого, в царствование Юстина I (518–527), этот же Герман разгромил — внимание! — *антов*³³. Нам важны здесь оба факта: и дата победы Германа над антами (самое начало VI в.³⁴), и легкость распространения устных преданий от антов к склавином. Ведь между

²⁷ Ibid. P. 339.

²⁸ Свод. Т. I. С. 180–181.

²⁹ Там же. С. 202–203.

³⁰ *Curta F.* Op. cit. P. 339.

³¹ Свод. Т. I. С. 216.

³² *Curta F.* Op. cit. P. 344.

³³ Свод. Т. I. С. 194–197.

³⁴ Там же. С. 240–241.

520 и 550 гг. сменилось целое поколение, а значит, существовали социальные механизмы воспроизводства памяти, и эти институты, важнейшие для бесписьменного общества, были у склавинов и антов общими! Мне представляется, что на этот факт никто в науке еще не обратил должного внимания.

Пусть этноним *анты* — иранский по происхождению, пусть анты, упоминаемые Иорданом применительно к IV в., и не славяне. Но Прокопию они уверенно заявили о своем родстве со склавинами, а значит, никаких сомнений не может быть и для нас. Ведь этничность, повторим, — ноуменальная категория, и если мне в свое время это напоминание было важно для того, чтобы не позволить удревять славянскую историю, то в данном случае оно же не позволяет укорачивать ее!

Однако самое главное — Ф. Курта не объясняет нам, как именно изобретенное в Константинополе, допустим, в качестве пропагандистской уловки, предположим, в окружении Юстиниана, имя «славяне» стало известно одновременно монофиситскому монаху Псевдо-Кесарию, антиохийскому городскому хронисту Малале, сирийскому инквизитору Иоанну Эфесскому или готскому историку Иордану. Ведь эти люди, в отличие от Прокопия, были не из придворных кругов, и, однако, все они, как сговорившись, около середины VI в. начали писать о славянах. Особенно поразителен случай с Мартином Бракарским, который сам был родом из Паннонии и знал, что там почем: он тоже говорит о славянах, даже при том что переселился из Византии в Свевское королевство на Атлантическом океане и имел все шансы не знать о новых идеологических указаниях Константинополя.

Но допустим на секунду, что пропагандистская машина империи работала столь идеально, что ей удалось индоктринировать всех поголовно от Сирии до Португалии (что, конечно, крайне маловероятно в эпоху до появления масс-медиа). Остается главный вопрос: откуда же сами варвары узнали, что им отныне положено именоваться славянами? А что они так себя называли, нет сомнений: именно от них это имя узнали, к примеру, Колумбан, Аманд, Бонифаций. Упомянутые здесь миссионеры VII в., сами являвшиеся в сущности ирландскими варварами, уж в чем не были замечены, так это в знакомстве с византийской культурой, языком или тем паче геополитическими изысками.

Зачем же такому серьезному исследователю, как Ф. Курта, понадобилось создавать столь экстравагантную гипотезу? Потому что зарождение славянства действительно представляет собой неразрешимую загадку. В 1997 г. крупнейший знаток варварской культуры VI в. Вальтер Поль справедливо заметил:

Для всякой теории этничности пример ранних славян представляет важный проверочный случай. Здесь этничность создана и применялась НЕ военной аристократией <...> славянские традиции, язык и культура определили или, по крайней мере, повлияли на бесчисленные местные общины: развилось удивительное единообразие, в отсутствие каких бы то ни было централизованных институтов, которые поддерживали бы его³⁵.

Можно согласиться с Ф. Куртой, что со временем славянский сделался *lingua franca* в Аварском каганате³⁶, и дальнейшее распространение этого языка уже было связано с политическими процессами. Но ведь до появления в Европе аваров в 568 г. осознание

³⁵ Pohl W. The role of the Steppe Peoples in Eastern and Central Europe in the First Millennium // *Origins of Central Europe* / Ed. P. Urbanczyk. Warszawa, 1997. P. 71.

³⁶ Curta F. Op. cit. P. 345.

себя славянами и, соответственно, переход на славянский язык были собственным свободным выбором той или иной оседлой общины.

В 512 г. племя герулов во время своей миграции со Среднего Дуная в сторону Дании «прошло поочередно все племена склавинов»³⁷. Этот пассаж из Прокопия породил целую лавину интерпретаций: славян помещали и в Чехии, и на Эльбе, и в Малой Польше, и в Силезии³⁸. Главное, что в любом случае получается очень далеко от Нижнего Дуная. Единственный выход — допустить, что имелась некоторая точка иррадиации этого самоназвания. Забудем слово *Urheimat* («прародина»), слишком биологизирующее этнические процессы. Но все-таки никуда не уйти от того факта, что существовало на Земле такое место, где имя славян было впервые произнесено. Нам сейчас неважно, где именно это произошло, — существенно лишь то, что этноним распространился оттуда со скоростью, неслыханной среди некоевых народов. Конечно, мы теперь понимаем, что речь идет не обязательно о физической миграции больших масс людей (тут Ф. Курта совершенно прав!), а скорее о распространении моды, — но ведь даже мода не может двигаться быстрее, чем слухи, купцы, пленники, наложницы и т. д.

Вполне вероятно, что имя славян возникло впервые среди славофонов, но применительно к какому-то другому, не славофонному, населению. Возможно, первыми «славянами» были какие-нибудь ирано- или германоязычные группы. Но почему-то очень многим варварам на пространствах Восточной Европы тоже захотелось так называться, иначе мы не фиксировали бы этот этноним в разнородных источниках от Северного до Черного моря, у франков, лангобардов, баваров. Ф. Курта пишет: «Славяне стали славянами не потому, что говорили по-славянски, а потому, что их называли славянами другие»³⁹. Язык конечно важен, но не первичен, и потому в первом своем утверждении автор прав, но неправ во втором. Славяне стали славянами потому, что сами называли себя славянами. Под стены Юстиниановых крепостей вышли люди, уже точно осознававшие, что они — славяне. А вот что им было в этом имени, в чем состояла его внезапная престижность — на этот вопрос у нас по-прежнему нет ответа.

Summary

Curta should be sincerely thanked for his effort to put early Slavic studies on the cutting edge of today's humanities. Yet, I must disagree with his main idea. «The making of the Slavs was less a matter of ethnogenesis and more one of invention, imagining and labeling by Byzantine authors» — Curta writes. «This was therefore an identity formed in the shadow of Justinian's forts, not in the Pripet marshes». This sensational conclusion which is a logical consequence, or rather *reductio ad absurdum* of «instrumentalist» approach contradicts all whatever exiguous data we have. For Procopius Slavs were not an abstract notion of a distant people: he conversed with them a lot in 537 in Italy where they served as mercenaries in the Byzantine army: the famous «Slavic excur-

³⁷ Свод. Т. I. С. 176–177.

³⁸ Там же. С. 212.

³⁹ Curta F. Op. cit. P. 346.

sus» was a result of long interviews with these barbarians during which they no doubt named themselves Slavs and Antai and claimed that in the past both tribes were called Sporoi. All three names were their own words and therefore Curta's idea that «the name "Sclavene" was a purely Byzantine construct, designed to make sense of a complicated configuration of ethnic on the other side of the frontier» looks absolutely untenable. But even if we assume the name was a personal invention of Procopius, how then would we explain the fact that it immediately became known to a monophysite monk Pseudo-Caesarius, Antiochene chronicler Malalas, Syriac churchman John of Ephesus, Gothic historian Jordanes who knew no Greek and, finally, Martin of Braga. So, this must have been a wide conspiracy stretching from Atlantic to Syria to label with an unpronounceable name the people who did not know how to call themselves.

If Sclavenes and Antai with their own lips told Procopius that they were one and the same people and speak the same language («utterly barbaric» — notices Procopius in passing, hinting that he listened to it himself) — what grounds do we have to deny it as Curta does? And if we trust them, then we should call Antes part of Slavs — exactly on the basic principles of current historical anthropology: we should take into consideration their own identity and not our presumptions. And Antes began raiding the Balkans even earlier than Sclavenes: we know for sure about the raid in 518 (Got. VII. 40. 5), in which Antes were defeated by Germanus, the successful Byzantine general. It's interesting to observe that this event was very well known to Sclavenes who crossed the Danube in 550, because when they learnt that the same Germanus was sent against them, they turned back in panic. A whole generation changed between 518 and 550, but there existed social institutions of memory in the Slavic society, and these institutions were common to Antes and Sclavenes.